

ПРЕДИСЛОВИЕ

Все мы, отчаянные смельчаки, пишущие хоррор на русском языке, схожи меж собой. А особенно те, чье взросление совпало с перестройкой, с эрой Фредди Крюгера, заговорившего с нами гундосым кастрюльным голосом переводчика. Пока наши родители пытались выжить в новорожденных странах, мы открывали для себя Кинга и Баркера, Лавкрафта и Маккаммона. Мы рыскали по магазинам в поисках заветных книжечек с цветастыми вульгарными обложками, мы пропадали в видеосалонах, и до сих пор у нас не поднимаются руки выбросить коллекцию ужасов на VHS. «Пусть себе пылится», — останавливаем мы жен, этих святых терпеливых муз, что время от времени все же поглядывают на нас задумчиво. Мы, пацаны из девяностых, уже пробовали себя в качестве хоррор-райтеров, тех, кто сбросит Короля с парохода современности. Первые пробы пера, викторианские замки и забытые богом городки штата Мэн. О чем же еще писать?

Мы повзрослели, нам, черт подери, стукнуло сорок или около того. Но увлеченные дети никуда не подевались, и, сидя в офисах или впахивая на заводах, мы, взрослые дядьки, размышляем об оборотнях, а наши дети говорят друзьям: «Подумаешь, бизнесмен! Вот мой папа пишет ужастики!»

Нужно ли тебе, читатель, знать, что Дмитрий Костюкевич — невероятно очаровательный, тонкий и приятный в общении человек? Пожалуй, такая анкета идет вразрез с представлением о настоящем авторе ужасов. Так что пусть он будет мрачным затворником, живущим на окраине Бреста в старом особняке,

где сквозняки скрипят зубами. Штурман со шрамами на обветренном лице, что поведет вас по стране шорохов и криков.

Но творить в заточении иногда надоедает даже самому угрюмому отшельнику, и тогда Дима берет в напарники кого-то из коллег, недаром его называют мастером соавторских рассказов. Писать с ним в паре такое же удовольствие, как читать его, — ваш покорный слуга не убоился слухов и, проникнув в черный особняк, создал с Костюкевичем «Мокрый мир» и «Век кошмаров», и в планах есть еще кое-что страшно интересное. Он кладезь идей, и его фантазия заразительна.

Велик соблазн назвать его белорусским Дэном Симмонсом, ведь, подобно создателю гениального «Террора», он часто работает с историческим материалом и, как никто, описывает ледяную ярость севера («Холодные песни», «Шуга», «Морские пейзажи»), он поражает эрудированностью, черт подери, он, кажется, знает все обо всем и при этом не выглядит занудным ни на йоту. Итак, Симмонс ли Костюкевич?

Русскоязычный хоррор давно вышел из андеграунда, из тени презрения солидных и важных, он продолжает обретать популярность и вес. Костюкевич — частый гость в тематических антологиях, он умеет быть разным, при этом сохраняя уникальный голос. Фантастика, постапокалипсис, морские приключения, эксперименты с поджанрами ужасов, и в каждом проекте — блистательный слог, изумительная атмосфера и филигранный психологизм. В отношении Костюкевича и в отношении русскоязычного хоррора в целом отпала необходимость привлекать публику надуманными ярлыками. И Диме ярлыки попросту не идут.

Я тороплюсь, читатель, потому что Одран вот-вот проснется и из дурного сна попадет в кошмар наяву. Вы скоро поймете, о чем я. Я мог бы без конца

удивляться тому, как Костюкевич делает экшн и как этот эффектный, вкусный экшн не мешает тягучей атмосфере страха, свисающей с мачт его холодной, но страстной прозы. Как ему удается создавать из недомолвок эпизоды настолько кинематографичные, что перед глазами встают яркие сцены из несуществующих фильмов или книг. И как он сталкивает героев с неведомым злом, но при этом не превращается для своих персонажей в судью, в разгневанного Саваофа, а остается мальчиком, готовым удивляться. И бояться вместе с нами того, что ползет из страниц его рассказов, что вздымается под строчками.

Я всем сердцем люблю хоррор, и я счастлив, что у хоррора появилась эта книга.

Но хватит болтовни!

Комната уже наполняется запахом гниющих водорослей. Волны разбиваются о скалы, и голоса, звучащие из морских раковин, просят скорее перевернуть станицу.

«Ла Бургонь» плывет, и Одран беспокойно ворочается во сне.

Холодные песни начинаются.

Максим Кабир

ШУГА

Ивин надевает гидрокombинезон, натягивает маску и ласты. Коган вешает на спину Ивина баллоны, пристегивает сигнальный конец, закрепляет чугунный пояс, привязывает к руке товарища измерительную рейку, плоскогубцы, молоток. Желает удачи. Лицо Когана — пятнистое, коричневое от мороза, цвета промерзших яблок.

Ивин по-утиному выходит из заснеженной палатки и семенит к лунке, которую расчистили от успевшего нарасти льда. Шахнюк как раз загребает проводочным сачком, вытряхивает осколки на снег, затем распрямляется, становится рядом с Ивиным и хлопает его по плечу.

— Серега, как слышишь? — раздается в наушниках. Коган проверяет связь.

— Хорошо слышу, — отвечает Ивин. — Спускаюсь.

Рядом, повизгивая, крутится Пак. Красивый пес коричневой масти, названный в честь паковых льдов. Он тыкается лбом в ногу, затем задирает морду и смотрит на Ивина жалобно. Затылок Пака подрагивает, будто от боли.

Гидролог бросает взгляд на вздыбленные цепи торосов и ропаков — золотистые солнечные блики застыли над белым безмолвным миром — и погружается в прорубь.

Какое-то время свет его фонаря плещется в глубоком колодце, пробивается сквозь поднявшуюся шугу — рыхлую ледяную кашу, затем вода в лунке чернеет. Ивин уходит под лед.

Под ним — черная океанская пропасть.

Вода обжимает костюм, шевелит резиновыми складками. Ивин скользит вниз, луч налобного фонаря упирается в бездонную тьму. Ивин поднимает голову и видит светлое пятно лунки. Начинает работать ластами — и пятно замирает, потом увеличивается.

Он парит среди острых вершин. Белые, голубые, черные, затаившиеся в темноте горы — перевернутые, они нависают над аквалангистом. Ледяные ущелья вглядываются зеленоватыми вертикальными зрачками. Приходит мысль: «Храм. Подводный храм».

— Намутил ты, Серега,— говорит Коган по телефону.— Расчищать не успеваем.

Ивин приступает к работе.

— Первый — шестьдесят семь,— диктует в ларингофон.— Второй — тридцать два...

Придерживаясь ограждающего троса, Ивин плывет от репера к реперу: измеряет вморзание или высвобождение стальных гвоздей. Диктует Когану:

— Третий — сорок один... Четвертый...— Он осматривает испод айсберга, подледный рельеф.— Четвертого не вижу.

Значит, выпал, когда стаял лед.

Плывет дальше.

— Пятый — двадцать девять... Шестой вморз.

Дрейфующий остров заглотил штырь с биркой «6». Ивин вытаскивает его, как длинный податливый зуб, плоскогубцами. Перехватывает молоток и забивает репер в лед. Гулкий стук разносится по восьмиметровой толще льда. Ивин знает, что его слышат наверху.

Он роняет восьмой репер, и тот уходит на дно Ледовитого океана. Ивин смотрит вслед — на темную черточку, на точку, вглядывается в глубокую слежавшуюся тьму. Что упало, то пропало.

— Работаешь десять минут,— сообщает Коган.

Как быстро летит время в величественном подледном мире! Этот гармоничный мир, его перевернутые валы и гряды, языки и «бараньи лбы» снились Ивину

по ночам. Иногда, открывая глаза, он лежал в темноте и сомневался, что все это существует где-то еще, помимо его воображения. Каждый раз — под водой — не покидало ощущение, что ты на другой планете.

— Подтяни фал,— просит Ивин.

Здесь, подо льдом, он чувствует себя спокойнее, чем наверху, на связи, страхуя товарища, с обледеневшим фалом в руках. За того, кто погрузился, переживаешь сильнее, чем за себя. Напряжение выматывает. Мало ли что. Не в Черном море ведь ныряют. Если на глубине откажет аппарат — на остатках воздуха надо не просто выйти, а найти, куда всплыть.

На прошлой станции, год назад, Ивин услышал страшное: «Нет подачи воздуха». В наушниках хрипел голос ушедшего под лед товарища. Ивин налег на лебедку, тянул, как мешок. Молил, чтобы товарищ не запаниковал, не начал дергаться. Паника — это кислородное голодание и потеря сознания. Это смерть. Обошлось: вытянул живого.

— Как самочувствие? — спрашивает Коган.

— Отлично.

Ивин медленно шевелит ластами. Продолжает обход плантации реперов.

Иногда отталкивается от купола и висит, как замоченный, под ледяными «облаками». Океан красит лед в бирюзовый и голубоватый оттенки.

Здесь как в космосе.

«Чудеса божьи изумления достойны»,— так, кажется, сказал Александр Македонский после того, как его подняли в стеклянном колоколе, подводном аппарате, из Средиземного моря.

Вчера на станцию прилетели кинооператор с помощником из «Центрнаучфильма», собираются снимать кино о гидрологах, готовятся к первому погружению. Привезли с собой две камеры, тридцатипятимиллиметровую и шестнадцатимиллиметровую в специальном боксе Массарского, такой снимали «Человека-амфибию». Красивый получится фильм, уверен Ивин.

— Серега, хорошо слышишь? — спрашивает страшущий Коган.

— Хорошо. Ты трави сигналку. Не жадничай.

— А ты не спеши.

— Понял тебя. Не спешу.

Он плывет к следующему штырю. Здесь подошва айсберга едва холмистая, выступы — сантиметров двадцать.

— Проверь фоторегистратор, — просит Коган. — Держат мои прокладки?

— Понял. Сделаю.

— Где ты сейчас?

— У тринадцатого датчика.

Ивин осматривает регистратор.

— Прокладки держат. Только немного заедает спуск... В остальном норма. Двигаю дальше.

— Работает пол часа.

— Так вот чего я проголодался.

— Скоро закругляться, Серега.

— Понял.

Ивин слышит далекий гул, будто ветер задувает в расселины, — это грохочут льды.

— Что за шум? — спрашивает Ивин. — Слышишь?

— Подвижки, — отвечает Коган. — Недалеко.

Ивин представляет, как приросшая к айсбергу льдина взрывается изнутри и у самого края начинают ползти, взбираясь одна на другую, льдины.

— Опасно?

— Нет. Мы нормально. Заканчивай, будем тебя поднимать.

— По...

Ивина неожиданно сдавливает в талии. Кто-то сильный и гибкий сжимает ноги. Гидролог опускает глаза и вздрагивает: его обвивает арктический спрут, еще не известный науке монстр. Свободные щупальца тянутся к маске, загубнику. Огромные льдистые глаза смотрят на Ивина.

Ноги стягивает обручем.

Ивин дергается изо всех сил, и осьминог тоже ворочается, выпускает из себя рой белых кристаллов. Становится темно, все заволакивает мелкими льдинками. Хватка не ослабевает.

Ивин больше не вырывается из объятий — подольдом лучше не пороть горячку. Пока щупальца не захлестнули его руки, он тянется к ножу, одновременно пытаясь рассмотреть спрута. Обзор заслоняет рыхлая муть.

Шуга. Поднятый с глубин донный лед.

Он вывинчивает нож — один поворот, второй, третий...

— Серега, что у тебя?

...четвертый поворот, пятый... Нож высвобождается из футляра, и Ивин бьет осьминога.

Но монстра нет. Вокруг — лишь приставучая шуга. Ивин разгоняет ее рукой с ножом.

Страховочный фал, внутри которого пропущен телефонный провод, обвил ноги — Ивин запутался в тросе. Но это не все. Сигнальный конец натянут струной: зацепился.

— Серега?! — волнуется Коган.

— Погоди. Тут заклинило.

— Что случилось?

Ивин плывет по заклинившему фалу. Фал провисает. Ивин видит причину.

— Ну как? — спрашивает Коган.

— Зажало. По фалу не вернусь.

— Спокойно, спокойно. Серега, у тебя воздуха на десять минут. Сейчас спустим мигалку. Увидишь ее — отрезайся и выходи в запасную лунку.

— Понял.

Ивин смотрит на нож, но не спешит. Теперь у него есть запас троса для погружения. Где-то наверху парни — Шахнюк и Мартынцев, гидробиолог из института океанологии — бегут к запасной лунке, чтобы утопить в ней фонарь. Коган остается в палатке, в ухе Ивина.

— Видишь мигалку? — спрашивает Коган.

— Пока нет.

Ивин не поддается панике. Нужна холодная голова. Смотрит сквозь запотевшую маску на подошву льдины. Она давит, не хочет выпускать.

Успокойся.

— Теперь видишь?

— Нет.

Если замереть, то время остановится. Если замереть, не нужен будет воздух. Лед забудет о нем. Ивин прогоняет опасные дикие мысли.

— Выступ мешает. Опустись глубже.

Ивин уходит на глубину, поглядывая вверх, на изнанку льда. Высматривает мигающий свет — на глубине его не будут заслонять торосы. Он должен найти мигалку.

— Отошел? Видишь?

— Не вижу.

— Серега... Опустись ниже.

Ивин смотрит на глубиномер. Циферблат фосфоресцирует, как крошечная медуза. Выступ заканчивается, Ивин погружается и вдруг видит пятнышко света, оно подмаргивает.

— Есть! Вижу мигалку!

Ивин примеряется ножом к страховке.

— Режу фал!

— Пошел! — кричит в наушниках Коган. — Достаю!

Кажется, Коган думает, что вытягивает его. Но сигнальный конец, как и прежде, зажат безжалостным льдом. Ивин не чувствует натяжения — никто не тащит его к лунке, свету, лицам друзей.

— Еще немного, Серега. Давай. Видим тебя...

Ивин перерезает фал — наушники замолкают. Нет времени слушать. О чем говорил Коган? Наверное, Шахнюк или Мартынцев увидел сквозь шугу свет опущенной в лунку мигалки или что-то еще — и подумал, что это всплывает Ивин... Нет времени, совсем нет времени. Скоро закончится кислород.

Ивин огибает торос и всплывает к мигалке.

Шахнюк и Мартынцев ждут его наверху. Он видит их сквозь толщу льда в своем воображении. Гидролог и гидробиолог сидят над запасной лункой, вода отливает свинцом — в ней кружат осколки ледяного сала. Ивин присматривается к напряженному лицу Шахнюка. Сосульки в окладистой бороде. Цепкие голубые глаза, в которых и экспедиции на ледоколах, и установка на океанском льду дрейфующих радиометеорологических станций, и подводное плавание. Рукодельный парень: если что, соберет снаряжение из подручных материалов — маску, трубку с шариком для пинг-понга вместо клапана...

У Ивина сдавливают в груди. Пальцы разжимаются, и нож медленно падает.

Ивин смотрит на подмигивающий свет.

Это не мигалка. А лампочка, которую сорвало и унесло течением с полигона.

Это обман, галлюцинация. Потому что лампочка не должна мигать... не должна даже светить — кабель оборван и тянется за ней мертвым хвостиком.

Мираж гаснет и исчезает в рыхлом облачке. Шуга уносит его прочь.

Ивин находит рукой огрызок фала. Минуту назад он перерезал единственную связь с теми, кто наверху.

Но его нить Ариадны оборвана.

Надо найти мигалку. Снова погрузиться и посмотреть? Или возвратиться к торосу, где застрял сигнальный конец? Хватит ли у него воздуха?

Ивин парит под ледяной броней. Над океанской бездной.

Надо искать выход... надо...

Перед глазами колеблются волнистые стены. Застывшие подтеки. Валы, пещеры и гроты.

Ивин проверяет кислородный прибор. Он снова чувствует страх, концентрированный, спрессованный в белую вспышку, похожий на страх перед первым спуском.

Решает искать запасную лунку. Слышит, что идет торшение, — если сожмет льдину, то лунка схлопнется.

Он разворачивается и плывет от выступа.

Шуга неприятно преобразила подводные хребты и впадины. В пятнах желтого света от фонаря нижняя поверхность айсберга перестает быть удивительно-привычной. Этот мир теперь существует в новых формах, играет ими, меняется.

Ивин плывет под бирюзовой долиной. По льду скользят переливы красок, но не смешиваются, не складываются в единый узор.

Луч фонаря шарит во мраке, выхватывает... дерево.

Ивин очень скучал по деревьям, по запаху леса, густому и живому. Но вмерзшее в айсберг дерево — мертво, одиноко. Оно переливается и ветвится в глубину. Пятиметровый коралл, слепленный холодом и течениями из тонких кристаллов. Хрупкое чудо. Изумительный мираж.

В любое другое время — только не сейчас.

Ивин оплывает дерево, не желая разрушить его случайным прикосновением, — мираж тут же рассыплется, сгинет, — но через несколько метров оборачивается, чтобы взглянуть еще раз. Ему кажется, что он услышал коралловый звон.

На дереве, выросшем посреди долины, висят мертвые люди.

Дерево острое и твердое, как алмаз. Кристаллические ветви проткнули тела полярников насквозь, раскроили куртки и брюки. Начальник станции висит на самой вершине, лицом в бездну, нож-ветка торчит из его шеи под кадыком; начальник звал подводников «нырками». Ивин узнает радиофизика, узнает радиста, узнает магнитолога... Волосы мертвецов развеваются, точно водоросли. Пустые глазницы смотрят на Ивина.

Тот отворачивается и плывет дальше. Этого просто нет. *Этого просто нет.*

— Поднимайся, — слышит Ивин в наушниках.

Этого тоже нет.

Он перерезал фал.

Он один.

Но как же хочется верить...

— Рома,— онемевшими губами произносит Ивин,— ты?

Только на этой станции с Романом Коганом они совершили больше пятисот погружений. А ведь до этого были еще три станции. Тысячи часов под арктическими льдами. Когану всегда нравился риск. Альпинизм, горные лыжи, подводная охота. Работал спасателем в горах Кавказа. Боксировал и прыгал с парашютом. Одним из первых попросился в группу для работы на Северном полюсе.

Ивин смотрит сквозь лед и видит Когана, который опускает руку в лунку, шарит в шуге, и что-то вцепляется в эту ищущую руку, и тянет...

Телефон молчит.

Он перерезал...

Ивин мотает головой, ищет взглядом мигалку и обмирает от страха.

Черными глазищами на него смотрит огромная голова с длинным крючковатым носом. Ивин медленно выдыхает. Выточенная водой скульптура теряет сходство с человеческой головой, но не до конца.

В воде светятся крупницы и бледные волокна льда. Такое бывает над станцией, когда летишь на самолете, но здесь, под водой? Шуга искрит в свете фонаря — уродливые города и лица.

Ивин чувствует пальцы, бегущие по позвоночнику, чувствует сквозь два шерстяных костюма и гидрокостюм жесткие прикосновения, которые исследуют его. Он разворачивается и видит что-то падающее, потерявшее форму всего мгновение назад. Перед ним плавает облако шуги.

Ивин уверен, что некоторое время назад это облако тянулось к нему чем-то похожим на когтистую лапу.

Он плывет дальше.

Вздрагивает, когда видит огонек. Мерцающий свет манит его в центр лабиринта.

Рваные зубцы и изогнутые складки. Глыбы подводного льда похожи на звериные головы. Ивин плыв-